

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФГБОУ ВО «ВОЛОГОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ВОЛОГОДСКИЙ ТЕКСТ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ

**Сборник статей
по материалам конференции**

1469983

ВОЛОГДА
2015

НЕВОЗВРАТНЫЕ ГОДЫ ДЕТСТВА В АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПОВЕСТИ В.И. БЕЛОВА

Дороги детства не забываются.
В.И. Белов. «Невозвратные годы»

Детство и младенчество, полагал В.И. Белов, являются самыми важными этапами жизни человека, «они определяют человеческую судьбу, ставят вешки слева и справа на всю последующую жизненную дорогу» [1, с. 7]. В этих впечатлениях-воспоминаниях – источник вдохновения, сила жизнепрития, нужные ориентиры: «Отраднo и неожиданно всплывают эти впечатления посреди жизненных бурь, нечаянно возникают в зрелые годы, указывая верные направления пути, вдохновляя на борьбу и убеждая человека не падать духом» [1, с. 7].

Автор осознавал, как сложно вычленить детскую (тем более младенческую) память из напластований времени, и тем не менее утверждал: «Да все так и было, я не проецирую в прошлое элементы моих теперешних состояний или изощренной фантазии» [1, с. 7]. В то же время для писателя не так уж и важна достоверность того, о чем он вспоминает: «Как меня крестили и где? Мне думается, что это в самом деле помню. Или я просто спутал то, что писал, с тем, что должно было быть? Господь ведает!» [1, с. 91]. По-видимому, правда художественная для него значимее правды жизненной, так как она менее зависит от причуд человеческой памяти, тонко и острее передает суть жизни.

С годами воспоминания детства для писателя становились грустнее, потому что «жизнь пошла на закат», и ярче, острее, ведь «картины далекой, более чем – увы! – полувекковой голодной, но счастливой поры» наполнялись новым смыслом. «Начал многое понимать лишь недавно», – писал В.И. Белов об истоках своей жизни. Примечательно в этом отношении движение авторского замысла в названии рассматриваемого нами произведения: от «Невозвратных дней» к «Невозвратным годам». Временная горизонталь в хронотопе повести от отрезка жизни вытягивается в жизненный путь, судьбу, повторить которые невозможно. Потому и «невозвратность», как то, что уже не вернется, не восполнится, не восстановится, обретает драматический или даже трагический смысл.

Мемуары о своем детстве, отрочестве, юности В.И. Белов создавал на протяжении рубежного как для себя самого, так и для страны времени. В самом тексте повести автор обмолвился, что писал ее, видя свое приближающееся семидесятилетие, «под конец жизни», которая, как он полагал, «трагична независимо от жизненной продолжительности» [1, с. 8]. Произведение создавалось В.И. Беловым с 1997 по 2000 годы. Впервые в полном объеме оно было опубликовано в журнале «Наш современник»

(2001, № 8–9, с подзаголовком «Воспоминания писателя»; 2002, № 2, с подзаголовком «Воспоминания»; 2005, №1). Ранее в журнале «Литература в школе» (1998, № 8) с отрывком из произведения, которое имело тогда название «Невозвратные дни», читатель мог познакомиться в рубрике «Из автобиографической повести». Отрывок назывался «Березка». Первое самостоятельное издание повести вышло в 2005 году в Санкт-Петербурге. Повестью «Невозвратные годы» открывается третий том семитомного собрания сочинений В.И. Белова с авторскими и редакционными комментариями.

Жанр произведения несмотря на внешнюю его очевидность (автобиографическая повесть) сложно определить, так как в нем есть и собственно художественное, и публицистическое начала. «Как увязать документальность с художественностью? Не знаю...» [1, с. 32], – размышляет автор. Повесть соединяет в себе элементы философского эссе, острой политической публицистики, свободного лирического монолога и даже свода архивных документов с указанием номеров фондов, описей и т.д. Сам автор называет свое произведение биографическими записями, выросшими из дневника, который он пытался вести в семидесятые годы, но вскоре забросил как ненужное «интеллигентское занятие». Наверное, это самое точное определение – биографические записи, так как в произведении автор не стремится к композиционной стройности (в книге есть повторы, стилистические небрежности, неточности в цитировании). Перед нами произведение, где повествование организуется потоком человеческой памяти, которая весьма причудлива и избирательна в отборе жизненного материала. Сложная субъектная организация связана с многоликостью повествователя: то ребенка в разную пору его взросления, то умудренного жизнью писателя.

Образ последнего встает в самом начале повести. В качестве эпитафии, точнее вместо него, автор цитирует стихотворение А.С. Пушкина «Птичка». В.И. Белов говорит, что хотел бы поставить эпитафией следующие строки: «Я стал доступен утешенью; За что на Бога мне роптать?», но, не смея править А.С. Пушкина, «ставить вместо точки с запятой знак вопроса», предпочитает оставить повесть «совсем без эпитафии...» [1, с. 7], заявляя, тем не менее, основной ее пафос в духе пушкинского «Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит». С имени А.С. Пушкина начинается большая литературная составляющая повести «Невозвратные годы»: отметим также отсылки к творчеству В.А. Жуковского, Н.В. Гоголя, А.Н. Плещеева, А.З. Сурикова, А.Т. Твардовского, М.А. Шолохова, А.А. Фадеева и многих других, в том числе писателей-современников.

Произведение В.И. Белова «Невозвратные годы» вписывается в традиционную линию русской автобиографической прозы XIX века (Л.Н. Толстой «Детство», «Отрочество», «Юность», С.Т. Аксаков «Детские годы Багрова-внука», Н.Г. Гарин-Михайловский «Детство Темы» и др.) и феноменологической прозы XX века (И.А. Бунин «Жизнь Арсеньева», Б.К. Зайцев «Путешествие Глеба», Г.И. Газданов «Вечер у Клэр», И.С. Шмелев «Лето Господне» и др.) прежде всего особым интересом к теме детства.

В повести «Невозвратные годы» автор неоднократно возвращается к описанию и анализу детства. Особенно интересно писателю время колыбели человека – младенчества. Воспоминания-переживания этого состояния пленяют и удивляют его, в нем он находит проявление божественной природы человека, когда окружающий мир и ребенок совершенно нераздельны. Младенчество для В.И. Белова состояло «из радости, спокойствия, блаженства, полной гармонии и еще чего-то необъяснимого и прекрасного» [1, с. 7]. И именно оно определяет человеческую судьбу, остается главным на всю жизнь. Нельзя не увидеть в этих строках традиционно толстовской мысли о детстве: «Счастливая, счастливая, невозвратимая пора детства! Как не любить, не делять воспоминаний о ней? Воспоминания эти освежают, возвышают мою душу и служат для меня источником лучших наслаждений» [3, с. 36] .

Младенчество и детство соотносится у В.И. Белова прежде всего с образом матери: «Лиюющие образы мира и образ матери – для младенца одно и то же» [1, с. 8]. В то же время «первые младенческие трагедии» тоже связаны с матерью: боль от обидной для матери частушки соседки, сострадание к матери из-за неоправданной ревности отца. «Мое сердце разрывалось от жалости к матери» [1, с. 84], – пишет автор.

Конечно, это голос взрослого сына, но это и детские неосознанные, интуитивные страдания, сохраненные памятью ребенка. «Я задыхаюсь от нестерпимой тяги к ней, от сладкой тоскливой нежности к этому родному и единственному в мире существу, бегущему от заречных травяных копен меня вырывать» [1, с. 20]. Сохранила память такие воспоминания и у других русских писателей. Например, у И.А. Бунина в «Жизни Арсеньева» читаем: «Что до матери, то, конечно, я заметил и понял ее прежде всех. Мать была для меня совсем особым существом среди всех прочих, нераздельным с моим собственным, я заметил, почувствовал ее, вероятно, тогда же, когда и себя самого... С матерью связана самая горькая любовь всей моей жизни. Все и все, кого любим мы, есть наша мука, – чего стоит один этот вечный страх потери любимого! А я с младенчества нес великое бремя моей неизменной любви к ней, – к той, которая, давши мне жизнь, поразила мою душу именно мукой, поразила тем более, что, в силу любви, из коей состояла вся ее душа, была она и воплощенной печалью: сколько слез видел я ребенком на ее глазах, сколько горестных песен слышал из ее уст!» [2, с. 345] .

Облик матери в раннедетской (определение В.И. Белова) памяти запечатлен особым образом. Он продикутован чувственными ощущениями. Общее выражение может ускользать, память сохраняет отдельные зрительные, слуховые, тактильные и другие впечатления. В.И. Белов пишет об одном из них: «Как и что пела моя матушка? Об этом говорить можно очень долго, но здесь главное для меня не слова, а мелодии и манера пения». Звук песни матери, «без слов, но живой», упоминает в своих дневниковых записях М.Ю. Лермонтов: «Когда я был трех лет, то была песня, от которой я плакал: ее не могу теперь вспомнить, но уверен, что если б ус-

лыхал ее, она бы произвела прежнее действие. Ее певала мне покойная мать» [4, с. 14].

В «Детстве» Л.Н. Толстого маленький герой не раз возвращается к мысли о том, что «лицо и положение маман решительно ускользают» из его воображения, но он помнит музыку, которую она исполняла: «Маман играла второй концерт Фильда – своего учителя. Я дремал, и в моем воображении возникали какие-то легкие, светлые и прозрачные воспоминания. Она заиграла Патетическую сонату Бетховена, и я вспоминал что-то грустное, тяжелое и мрачное. Маман часто играла эти две пьесы; поэтому я очень хорошо помню чувство, которое они во мне возбуждали. Чувство это было похоже на воспоминание; но воспоминание чего? казалось, что вспоминаешь то, чего никогда не было» [3, с. 27]. Воображение и воспоминания сливаются в душе ребенка, рождая удивительные образы, которые человек пытается порой разгадать на протяжении всей последующей сознательной жизни. Показательно, что в своих автобиографических текстах и В.И. Белов, и Л.Н. Толстой описывают одни и те же младенческие ощущения не единожды, то ли сознательно, то ли бессознательно возвращаясь к размышлениям о них.

Определяя пору перехода из младенчества в детство, писатель старается восстановить в памяти последовательность осознания им своей самостоятельности, перехода из хаоса, растворенности в мире к отдельности существования: «Оно, это единство, все активнее то и дело подменялось какой-то маленькой, зато упорядоченной своей частицей. Теперь, будучи взрослым, я знаю, что начало этой подмены совпадает с началом самосознания... [1, с. 15].

Картинки детства память «отбирала десятками, сотнями» [1, с. 15]: самые ранние, запечатлевшие статичный мир без времени, сменялись последовательностью подвижных и взаимосвязанных впечатлений и образов. Из этого многообразия в собственно художественной, повествовательной линии мемуаров запечатлены следующие: на руках у крестной Ермошихи, еще не понимая слов, сидит на каком-то шумном собрании, едет верхом на маме (на закуорках) на колхозную ферму, где его нестерпимо тянет к пылающей печи и др. В.И. Белов вспоминает не столько происходящее, сколько переживаемое, чувственное, суггестивное, подобное «живописному холсту в раме» [1, с. 20] событий. Не случайно для него «ослепительно яркая картина солнечного зеленого дня с белыми клубами облаков на голубом бесконечном небе, с гудящими в нашем огороде оводами и мухами, с крапивой и какими-то мощными цветочными запахами» [1, с. 20] является «незабвенной».

Как раннедетская память отбирает ощущения-образы? В.И. Белов пишет: «Из самого раннего детства я помню несколько четких ощущений. Три или четыре ярких картинки запечатлены в душе очень четко. Мне было два или три года» [1, с. 14]. «Самое раннее впечатление детской поры» писателя связано с бабкой Наташей, которая потеряла свой нательный крестик: «Бабка Наташа ищет его сама, и мы с братом тоже ищем, ползая по

полу. Ощущение этого поиска до сих пор так свежо, так непосредственно и остро!» [1, с. 15]. Память героя «Жизни Арсеньева» сохранила такое самое первое впечатление: «большая, освещенная предосенним солнцем комната, его сухой блеск над косогором, видимым в окно на юг...» [2, с. 340]. Арсеньева мучает вопрос: «Почему именно в этот день и час, именно в эту минуту и по такому пустому поводу впервые в жизни вспыхнуло мое сознание столь ярко, что уже явилась возможность действия памяти? И почему тотчас же после этого снова надолго погасло оно?» [2, с. 340].

Раннедетское состояние гармонии ребенка с миром очень подвижно, хрупко, зыбко. Оно постоянно нарушается в «Невозвратных годах» то тоской от временной (пусть и совсем непродолжительной) разлуки с матерью, то страхом потерять родных, с кем ребенок уже ощущает кровную связь, то совсем необъяснимо возникающим состоянием одиночества в этом мире. Странно, что все эти переживания маленького Васи серьезны, глубоки, по-настоящему горестны и, по-видимому, врезались в память навсегда, так как именно они всплывают (иногда вспыхивают) в раздумьях писателя о первом годе своей жизни. Не раз в тексте повести он вспомнит о том, как больно ему было от предчувствия, что бабушка Фоминишна любит его меньше, чем старшего брата Юрия: «Это ощущение моей, так сказать, неполноценности в глазах бабушки я испытал очень рано, почти в младенчестве, то есть еще в 1933 году, когда мне было меньше года... Как охарактеризовать это самое раннее горькое чувство?» [1, с. 83].

Что детская память отбирает из окружающей ребенка картины мира? «Я не помню ни лица ее, ни одежды, помню только ощущение ее доброты и хлопотливости» [1, с. 15] – пишет В.И. Белов о своей двоюродной бабушке Наталье. Подобные детские ощущения находим и у героя Л.Н. Толстого: «С тех пор как я себя помню, помню я и Наталью Савишну, ее любовь и ласки; но теперь только умею ценить их, – тогда же мне и в голову не приходило, какое редкое, чудесное создание была эта старушка» [3, с. 31]. Не с этого ли раннедетского «ощущения доброты» и начинается осознание доброты человеком?

С ранних лет герой отмечал людей, наделенных добротой, или его память, не совсем осознанно для маленького и вполне осознанно для взрослого, сохраняла их образы. «Почему я так усиленно вспоминаю тетку отца Наташу, кривую (с бельмом) бабушку Таню, горбатенькую Иришу? Объясню в обратном порядке. Ириша запомнилась как бесконечно добрая, смиренная мамина крестная. Таня Колыгина тоже была добрая». В чутком сердце ребенка образы доброты «сливались в одну картину» [1, с. 22], и в этой слитности «память сердца» переносила их в сознание взрослого.

Вероятно, с образом смиренной доброты для героя мемуаров было связано первое ощущение Бога: «Да, это была та самая горбатенькая Ириша! Она крестная мать моей родительницы Анфисы. Я так хорошо ее помню... Она собирала милостыню и всегда заходила к нам в пору нашего детства. Ириша была типичной представительницей Святой Руси, ее доброта оказалась поистине неизбывной!» [1, с. 21].

Доброта всегда божественна – эта истина открыта детям. И страдание божественно. Сопричастность ему наделяет ребенка величайшим даром, какой только может быть дан человеку – даром сострадания. Герой мемуаров В.И. Белова сострадал горбаченькой нищей Иришке, Николенька Иртеньев – нищему юродивому Грише, Арсеньев – учителю Баскакову, «странному <...> человеку, зачем-то дотла разорившему свою жизнь и бесцельно мотавшему ее по свету, единственному, кто понимал мои [мальчика] бесцельные мечты и страсти» [2, с. 360].

Из «детского удивления, жалости и благоговения» [3, с. 29] вырастает сострадание у героя-ребенка: «Он молился о всех благодетелях своих (так он называл тех, которые принимали его), в том числе о матушке, о нас, молился о себе, просил, чтобы Бог простил ему его тяжкие грехи, твердил: “Боже, прости врагам моим!” – кряхтя поднимался и, повторяя еще и еще те же слова, припадал к земле и опять поднимался, несмотря на тяжесть вериг, которые издавали сухой резкий звук, ударяясь о землю. <...> О великий христианин Гриша! Твоя вера была так сильна, что ты чувствовал близость Бога, твоя любовь так велика, что слова сами собою лились из уст твоих – ты их не поверял рассудком...» [3, с. 29–30].

Сопереживая верующему, ребенок и сам причащается святых тайн: «И не раз видел я с каким горестным восторгом молилась в этот угол мать, оставшись одна в зале и опустившись на колени перед лампадкой, крестом и иконами... О чем скорбела она? И о чем вообще всю жизнь, даже и тогда, когда, казалось, не было на то никакой причины, горевала она, часами молилась по ночам, плакала порой в самые прекрасные летние дни, сидя у окна и глядя в поле? О том, что душа ее полна любви ко всему и ко всем и особенно к нам, ее близким, родным и кровным, и о том, что все проходит и пройдет навсегда и без возврата, что в мире есть разлуки, болезни, горести, несбыточные мечты, неосуществимые надежды, невыразимые или невыраженные чувства – и смерть...» [2, с. 355].

В детстве чувство Бога так непосредственно и безусловно, так вещественно и таинственно одновременно, что рассказы о Боге невероятно глубоко пленяют душу ребенка. «Раисья так горячо, так убежденно говорила о Христе и Предтече, что и не веришь, да поверишь. Таковы мои университеты. Верьте – не верьте» [1, с. 91], – вспоминает Белов.

Именно ребенок открывает мир как божественное творение: «О, как я уже чувствовал это божественное великолепие мира и Бога, над ним царящего и его создавшего с такой полнотой и силой вещественности!» [2, с. 347]. И каждый шаг его – новое открытие мира: «В то же лето я начал своими ногами бродить по деревенской травке, остерегаясь крапивы. Чудное, сладостное чувство новизны охватывало меня при знакомстве с деревней, с новыми, не родными людьми!» [1, с. 20]. Мир детства В.И. Белова – это благоухающая природа, щедро одаривающая людей своими богатствами, это роскошь общения с нею, это царство зверей, растений. «Во времена моего детства зимой у гумна, в двухстах метрах от дома, еще прыгали по кочкам зайцы двух пород: крупные – русаки и поменьше – беляки. Сам

своими глазами их видел. <> Лисы ходили по заячьим следам, не одна и не две. Стаи куропаток шумно вылетали из гумна. Какой стоял гам, какой вселенский концерт звучал в летнем нашем лесу. Особенно весной или в начале лета» [1, с. 43].

Золотое детство невымыслимо без игр. Особенно много их было летом: хождение в крапиве, «гигантские шаги», игра в рюхи (городки), «в имальцы» т.е. с завязанными глазами нужно было кого-то искать, прыганье на гибкой доске, «в муху», «гонять попа», «в чалу», «в цыпки». Многие из этих детских забав требуют сегодня комментария. Что такое «гонять попу»? Это играть, гоняя битами небольшое поленце. Шаги – это вид больших качелей, на которых кружатся вокруг столба, держась за веревку или сидя в веревочной петле. Игра «в муху» заключалась в сшибании битой чурки с воткнутого в землю кола. (Подробно об этой забаве см.: Белов В.И. «Лад», ч. III, гл. «Серебро и золото детства».) В рассказе «Иду домой» писатель расскажет об опасностях, которые ежедневно подстерегали ребенка и в играх, и в случайностях жизни. «Сколько раз падал я в раннем детстве с русской печи и позже с едва обьеженных лошадей, трижды всерьез тонул, дважды блуждал в тайге» [1, с. 24], – пишет В.И. Белов в «Невозвратных годах». Все это были уличные забавы, требовавшие сноровки, смекалки, быстроты реакции, сообразительности, к тому же и небезопасные: так девочки часто ломали ноги в этих играх. У мальчишек были забавы посерьезнее и поопаснее: «каждый из сверстников и родных братьев влюблен был в оружие, стреляющее и колющее. О, сколько у меня было дел с ружьями и наганами!» [1, с. 91].

Интерес к книге, чтению пробудился у будущего писателя в семье благодаря отцу Ивану Федоровичу и старшему брату Юрию: «Было тогда ему пять или шесть лет от роду». «Я не умел тогда даже читать. Слушать, однако, умел» [1, с. 55]. Слушал он брата Юрия, читавшего вслух журнал «Колхозник». Особенно запомнилась поэзия А.Т. Твардовского, остались в памяти «образы» трубокура и балагура Ивушки, жилистого деда Данилы, который парился в бане «в потолок ноги» и еще что-то смутное, волнующее о ловле рыбы решетом» [1, с. 65]. Речь здесь идет о персонажах произведений А.Т. Твардовского «Ивушка» и «Дед Данила в бане» (оба –1938 г.). Отец же, когда его отпускают на несколько дней домой после ранения на фронте, рассказывает детям про «взрослые» для их возраста книги: «Тихий Дон» М.А. Шолохова и «Василий Теркин» А.Т. Твардовского, сожалея, что не успел их дочитать в госпитале. Читать Василия научил брат Юрий в семь лет по букварю, чем очень гордился, и, чтобы продемонстрировать свои учительские способности, привел Васю в школу, показал его умения. Умение читать до школы тогда очень ценилось у ребят.

Еще две книги детства назовет В.И. Белов в «Невозвратных годах»: «Дерсу Узала» В.К. Арсеньева и «Сказки дядюшки Римуса» Д.-Ч. Харриса. В детской памяти отложились не авторы и названия книг, а герои: Старый Гольд, старый негр с завиральными историями про братца Кролика. Вспоминая о первых читательских опытах, В.И. Белов даст свое понимание

ценности книги. Книга дорога тогда, когда читателю не важно, кто ее автор. Гораздо важнее тот контакт – общение, что устанавливается в процессе чтения между героем и читателем, степень доверия последнего. «Счастливы при добротной литературе оба: и читатель, и автор, не ведающие друг о друге» [1, с. 56], – заключает В.И. Белов.

Предвоенные (он их называет «передние») годы В.И. Белов считает подлинно счастливыми. Именно тогда он постигал дело пчеловода: «с отцовским, пахнущим гарью дымарем, с кисейными сетками и громадной медогонкой был я уже запанебрата» [1, с. 27]. Тогда он звал всех ребятшек (особенно радовался за своего закадычного друга сироту Доську Плетнева) лакомиться остатками меда в медогонке, куда восторженно лезли сразу по двое. Интересные чувства испытывал тогда мальчик. Восторг от того, что он стал причиной восторга сверстников, гордость за своих щедрых родителей (ведь в медогонке натекло бы еще с полведра янтарного меда). Сыновья любовь, осознание и собственной значимости («отцово, следовательно, и мое распоряжение»), радость за благополучие своей семьи, единение с деревенским ребячьим братством, не избалованным лакомствами и осчастливленное им, – все это составляет еще одну картину детства той поры и может быть заготовкой для отдельного рассказа. Таких художественно выразительных зарисовок в «Невозвратных годах» немало и почти все они – о детстве.

Невозвратные годы детства являются важнейшей составляющей духовной родины писателя. Деревня с устоявшимися правилами «клада», духовного здоровья является основной пространственной координатой, где происходили все значимые события для самосознания и самопознания ребенка. Круг семьи, родни, друзей, в общении с которыми сформировались главные жизненные ценности, во многом уже очерчен в детстве писателя. И, наконец, игры, изустные рассказы, книги и золотые россыпи народного устного творчества дали ориентиры из детства в отрочество и юность.

Литература

Белов В.И. Невозвратные годы // Белов В.И. Собр. соч.: в 7-ми тт. – Т. 3. – М., 2011.

Бунин И.А. Жизнь Арсеньева // Бунин И.А. Избранные сочинения. – М., 1984.

Толстой Л.Н. Детство. Отрочество. Юность. – М., 1978.

Шувалов С.В. М.Ю. Лермонтов: жизнь и творчество. – М.; Л., 1925.